

Концептуальная метафора как средство вербализации концепта «государство» в дискурсе антиутопии (сопоставительный аспект)

И.Д. СТОЯНОВА

Изучаются средства выражения концепта «государство», который является одним из базовых в концептуальном пространстве дискурса антиутопии. Представлены типы концептуальных метафор и изучены корреляты метафор, привлекаемые авторами для осмысления понятий, составляющих концептосферу «государство» в дискурсе антиутопии. Установлено, что наиболее часто встречающимся видом метафоры в исследуемом типе дискурса является онтологическая метафора. Анализируются универсальные и этноспецифические типы концептуальных метафор в английском, украинском и русском дискурсе антиутопии.

Ключевые слова: дискурс антиутопии, концепт, концептуальная метафора, онтологическая метафора, корреляты.

The means of verbalization of the concept «state» are studied. It is considered to be one of the basic concepts of the conceptual space of the discourse of anti-utopia. The types of conceptual metaphors are represented; correlation of the tenors that form the conceptual space of the notion «state» and corresponding vehicles in the investigated type of discourse are scrutinized. In the analyzed languages the most productive type of conceptual metaphor is ontological metaphor. The universal and ethnospecific types of conceptual metaphors in English, Ukrainian and Russian discourse of anti-utopia are discussed.

Keywords: discourse of anti-utopia, concept, conceptual metaphor, ontological metaphor, correlate.

В статье рассматриваются особенности вербализации концептуальной метафоры как средства актуализации лингвокультурного концепта «государство» в дискурсе антиутопии. Определение современными лингвистами дискурса как особого ментального мира или концептосферы в динамике требует от исследователей не ограничиваться только анализом коммуникативных стратегий, характерных для того или иного вида дискурса, но и заниматься поиском концептов, составляющих его семантическую основу, изучать особенности вербализации этих концептов в языке. Исследование каждого из типов дискурса предполагает анализ характерных для него языковых единиц. Актуальность исследования определена антропоцентрической природой изучаемого концепта и его принадлежностью к фундаментальным ментальным представлениям, которые составляют основу процессов категоризации и концептуализации социокультурной действительности, а также привлечением когнитивно-дискурсивных методик анализа, что открывает новые возможности изучения концептов через их функционирование в дискурсе. Учитывая то, что одним из инструментов познания в когнитивной лингвистике является когнитивная метафора, именно через ее призму будет исследоваться наш материал.

Цель статьи – раскрыть лингвокультурную специфику концепта *государство* путем выяснения места когнитивной метафоры в языковом выражении определенного концепта в английском, украинском и русском дискурсе антиутопии. Объектом исследования является концептуальная метафора в дискурсе антиутопии. Материалом исследования стали контексты дискурса антиутопии, выделенные методом сплошной выборки из 53 художественных произведений жанра антиутопии английских, украинских и российских авторов двадцатого столетия. Объем составил более 13700 страниц, а именно 4738 в английском языке, 4083 в украинском языке и 4879 – в русском.

Концепт «государство» относится к сфере социальной и политической жизни и является очень важным для существования и развития любой нации, поэтому отношение граждан к государству зависит от исторических и политических традиций того или иного этноса. Именно традиции отношения к государству и фиксируются в языке на разных стратификационных уровнях.

Формирование и развитие концептов является результатом мыслительного конструирования предметов и явлений. Указанный когнитивный процесс квалифицируется как *концеп-*

туализация [1, с. 16–18], которая характеризуется многоканальностью и целостностью получения и переработки информации [2, с. 25] и направлена на выделение в сознании субъекта познания минимальных смысловых единиц опыта, которые приобретают языковую форму.

Поскольку в образовании концептов участвуют предварительно осмысленные данные, концептуализация опирается на такой когнитивный процесс, как *категоризация* [3, с. 23–24]. Под категоризацией понимают разделение внешнего и внутреннего миров человека на категории, которые отражают знания о сущности ее существования, а также отнесения к сложившимся категориям явлений, объектов и процессов, имеющих определенные сходства [4, с. 28].

Анализ языкового материала позволяет выявить языковые средства и объяснить особенности вербализации концепта «*государство*» в английской, русской и украинской языковых картинах мира. Как отмечает Н.Н. Болдырев [3, с. 26], «структура и содержание различных концептов проявляются через значения языковых единиц, представляющих тот или иной концепт, их словарные дефиниции, речевые контексты».

Анализ текстовых фрагментов дискурса антиутопии позволяет сделать вывод о том, что образно-ценностная составляющая концепта «*государство*» эксплицируется в сопоставляемых языках разноуровневыми языковыми средствами. Универсальным языковым средством, с помощью которого актуализируется образно-ценностная составляющая этого концепта в дискурсе антиутопии, является *концептуальная метафора*.

Основу метафоризации, согласно теории концептуальной метафоры, составляет процесс взаимодействия между структурами знаний (фреймами и сценариями) двух концептуальных доменов – сферы-источника (source domain) и сферы-цели (target domain). В результате направленности метафорической проекции (metaphorical mapping) из сферы-источника в сферу-мишень, которая сформировалась как результат опыта взаимодействия человека с окружающим миром, элементы сферы-источника структурируют понятную концептуальную сферу-цель, и составляет сущность когнитивного потенциала метафоры. Основным источником знаний, которые формируют концептуальные домены, есть опыт непосредственного взаимодействия человека с окружающим миром, причем диахронически первичным, конечно, является физический опыт, который организует категоризацию действительности в виде простых когнитивных структур – «схем-образов» (image schemas) (теория «телесного ума») [5].

Человек, согласно когнитивной методологии, склонен реагировать не на реальность как таковую, а на собственные когнитивные репрезентации реальности. Поэтому и поведение человека непосредственно определяется не столько объективной реальностью, сколько системой ментальных репрезентаций человека, и «выводы, которые мы делаем на основе метафорического мышления, могут формировать основу для действий» [6]. Этим можно объяснить особенно высокий интерес современных исследователей к изучению концептуальной метафоры в области коммуникации [7], [8, с. 142], [9, с. 114], [10], [11], [12], [13], [14, с. 426], [15].

На основании результатов анализа дискурсивных реализаций концепта в языках набора определено, что образная интерпретация концепта «*государство*» в дискурсе антиутопии осуществляется преимущественно с помощью онтологических метафор, которые являются «средствами передачи событий, действий, эмоций как предметов и вещей» [16, с. 388]. Спектр концептуальных метафор включает 2 типа: «*государство – неспецифицированный объект*», «*государство – материальный объект/феномен*». Анализ дискурсивных реализаций концепта в языках набора обнаружил, что достаточно репрезентативным является коррелят *неспецифицированный объект*, который объективирует концептуальную метафору: «*государство – существо*»: (см. прим. (1), (2), (3), (4) (5), (6), (7)):

(1) «...will not the government decide what is crime and pump out the life and guts and will of whoever sees fit to displease the government» (Бург);

(2) «А уряд не дає змоги громадянству боронитись, сховав голову в пісок і думає, що все гаразд» (Андр);

(3) «*государство – существо*», причем актуализируются такие признаки: «*государство – мошенник*»:

(4) «...с каждого рубля, Государство берет себе 25 %, а с сегодняшнего дня – 33 %. Вот кто главный жулик. Государство работает без отмычек» (Плат);

– «государство – убийца»:

(5) «...власти выступают прямыми убийцами, когда вооружают охранные силы для истребления инакомыслящих» (Зин);

– «власть – животное»:

(6) «Эта власть в людоедском запале не могла не пожрать самое себя» (Див);

«субъект власти – насекомое»:

(7) «...в центре сейчас сядет белый, мудрый Паук – в белых одеждах Благодетель, мудро связавший нас по рукам и ногам благодетельными тенетами счастья» (Зам).

Коррелят *неспецифицированный объект* актуализирует такую концептуальную метафору как «власть – трофей»: (см. прим. 8, 9, 10):

(8) «We know that one ever seizes power with the intention of relinquishing it» (Orw);

(9) «...ті, що зробили революцію і здобули владу» (Кож);

(10) «...держа в руках королевскую власть, Король с горечью убеждался, что все силы уходят на то, чтобы ее удержать» (Иск).

В английском дискурсе антиутопии коррелят *неспецифицированный объект* актуализируется с помощью такой концептуальной метафоры как «власть – отчуждение»: (11) «The Party doesn't aim at transmitting power to its own children» (Orw); в русском дискурсе антиутопии указанный коррелят вербализуется такими концептуальными метафорами: «власть – приобретение»: (12) «Вся полнота власти принадлежит Императору» (Иск); власть – отчуждение: (13) «Первый добровольно не откажется от власти. Власть у него можно отнять только силой» (Кест); «власть – желание»: (14) «...надо увеличить охрану, чтобы освободить свои силы для дел, ради которых он рвался к власти» (Иск).

Наряду с коррелятом *неспецифицированный объект*, чрезвычайно репрезентативным является коррелят *материальный объект / феномен*, который воспринимается органами чувств и вычленяется в пространстве посредством присущих ему физических характеристик. Анализ дискурсивных реализаций концепта в языках набора позволил сделать вывод о том, что указанный коррелят объективируется в таких концептуальных метафорах: «государство – артефакт»:

– «государство – механизм»: (см. прим. (15), (16), (17)):

(15) «...the oligarchs had succeeded in devising a government machine» (Lond);

(16) «...надо было освоить новые правила игры. Вместо церкви ходить на собрания, вместо псалмов – петь революционные песни, вместо белого царя – славить красного» (Див);

(17) «Ленін, коли говорив пролетарську класову державу... мав саме вас усіх на увазі, тих, проти кого потрібен сильний державний апарат. Робітничий апарат насильства проти...– Робітників...– Так, і проти робітників, якщо вони проти диктатури пролетаріату» (Ірв);

– «власть – инструмент»:

(18): «Who wields power is not important, provided that hierarchical structure remains always the same» (Orw);

(19) «Власть дает право принимать и требовать жертвы» (Плат);

(20) «Інарак (Інтернаціональний Авангард Революційної Акції) своєчасно довідався про це і своєю владою визволив великого вченого...» (Вин).

Как в русском, так и в украинском дискурсе антиутопии, метафора: «власть – источник блага» является наиболее распространенной: (21) «Целым и невредимым вылез, чтобы отхватить себе кусок правительственного пирога» (Иск); (22) «Вони дорвалися до корита і гадають, що будуть хлєбати тепле пійло з цього корита при українській Державі» (Андр), что отражает осмысление понятия «государство» в антиутопичном обществе.

Специфическим для английского дискурса антиутопии является актуализация таких метафор, как:

– «власть – барабан»: (23) «His drive is a political power – a drum whose beat I do not hear» (Gold);

– «власть – гужевой транспорт» (24): «We want in our hands the reins of power» (Orw);

– «власть – управляемый динамический ресурс» (25): «Some source of power began to pulse in Roger's body» (Gold);

– «власть – ядовитое вещество» (26): «There will be intoxication of power» (Orw).

Составляющие концепта в русском дискурсе антиутопии отождествляются с *контейнером*: (27) «...я же первый изгажусь и сотрусь от сохранения власти» (Плат); власть воспри-

нимается как *пункт назначения*: (28) «*Король пришел к власти, благодаря одной из бурь, которые неустанно воспевал поэт*» (Иск), а государство как *архитектурное сооружение*: (29) «...иерархическая *пирамида власти на Тормансе представлялась как ступенчатое нагромождение расширяющихся к низу слоев*» (Зин).

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что концептуальная метафора формирует и определяет структуру образно-ценностного компонента исследуемого концепта, который основывается на ассоциативно-образных коннотациях в результате аналогового сравнения различных понятийных сфер человеческого сознания. Анализ эмпирического материала свидетельствует о наибольшей продуктивности концептуальной метафоры как средства вербализации концепта «государство» в дискурсе антиутопии во всех языках набора, причем предпочтение отдается онтологической метафоре, к которой тяготеет сформированное в тоталитарном обществе сознание участников такого особого типа художественной коммуникации, как антиутопия. Во всех исследуемых языках объективируются концептуальные метафоры «государство – существо», «власть – трофей», «государство – механизм». Присущими только английскому дискурсу антиутопии является употребление концептуальной метафоры «власть – отчуждение», в русском дискурсе антиутопии специфичными являются метафоры «государство – убийца», «власть – пункт назначения», «государство – архитектурное сооружение», «власть – контейнер». В украинском дискурсе антиутопии этноспецифических концептуальных метафор не обнаружено.

Перспективным для современного языкознания является дальнейшее рассмотрение и изучение языковой репрезентации и средств объективации концептосферы дискурса антиутопии английского, украинского и русского языков; комплексное лингвокультурологическое изучение национальной концептосферы с целью выявления ментальности ее носителей.

Литература

1. Полюжин, М.М. Когнітивна парадигма лінгвістичних досліджень / М.М. Полюжин // Проблеми романо-германської філології. – Ужгород : Ужгородськ. держ. ун-т, 1999. – С. 4–22.
2. Голубовская, И.А. Этнические особенности языковых картин мира: монография / И.А. Голубовская. – К. : Издательско-полиграфический центр «Киевский университет», 2002. – 293 с.
3. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во Тамбовск. ун-та, 2000. – 123 с.
4. Бабушкин, А.П. Объективное и субъективное в языке / А.П. Бабушкин // Общие проблемы строения и организации языковых категорий (грамматические, словообразовательные, лексические и текстовые категории) : науч. конф., 23–25 апреля 1998 г. – М. : РАН ИЯ, 1998. – С. 28–31.
5. Лакофф, Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры : сборник / общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 387–415.
6. Chilton, P.A. Metaphor in Political Discourse : The Case of the «Common European House» / P.A. Chilton, M.V. Pyin // Discourse and Society. – 1993. – Vol. 4., № 1. – P. 7–31.
7. Баранов, А.Н. Словарь русских политических метафор / А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов ; РАН. Ин-т Рус. яз. – М. : Помовский и партнеры, 1994. – 330 с.
8. Радченко, О.Ю. Види концептуальної метафори : підстави класифікації / О.Ю. Радченко // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2003. – № 568. – С. 141–144.
9. Скребцова, Т.Г. Метафоры современного российского внешнеполитического дискурса / Т.Г. Скребцова // Respectus philologicus. – 2002. – № 1 (6). – С. 113–125.
10. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография / А.П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.
11. Чудинов, А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография / А.П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – 248 с.
12. Drulak, P. Metaphors and Creativity in International Politics. Discourse Politics Identity [Электронный ресурс] / P. Drulak // Режим доступа : <http://www.lancaster.ac.uk/ias/researchgroups/dpi/docs/dpi-wp3-2005-drulak.doc>. – Дата доступа : 22.03.2016.
13. Kennedy, V. Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo / V. Kennedy // Metaphor and Symbol. – 2000. – Vol. 15, № 4. – P. 252–265.

14. Paris, R. Kosovo and the Metaphor War / R. Paris // Political Science Quarterly. – 2002. – Vol. 117, № 3. – P. 423–450.
15. Zinken, J. Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition : Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors im Fach Linguistik / J. Zinken ; Universität Bielefeld. – Bielefeld, 2002. – 262 s.
16. Чорновол-Ткаченко, О.О. Вербалізація концепту ВЛАДА у сучасному газетному дискурсі : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04. / О.О. Чорновол-Ткаченко. – Х., 2007. – 20 с.

Источники примеров

1. Андр – Андрухович, Ю. Московіада / Ю. Андрухович // Рекреації. Українська модерна проза. – К. : 1997. – С. 113–246.
2. Вин – Винниченко, В. Сонячна Машина / В. Винниченко. – К. : Дніпро, 2000. – 620 с.
3. Див – Дивов, О. Выбраковка / О. Дивов. – М. : ЭКСМО, 2004. – 380 с.
4. Зам – Замятин, Е. Мы: романы, повести, рассказы, сказки / Е. Замятин. – М. : Современник, 1989. – 560 с.
5. Зин – Зиновьев, А.А. Катастрофка / А.А. Зиновьев. – М., 2003. – 325 с.
6. Ірв – Ірванець, О. Маленька п'еса про зраду для однієї актриси / О. Ірванець. – К. : Смолоскип, 2002. – С. 9–20.
7. Иск – Искандер, Ф. Кролики и удавы: проза последних лет / Ф. Искандер. – М. : Книжная палата, 1988. – 288 с.
8. Кест – Кестлер, А. Слепящая тьма / А. Кестлер ; Пер., авт. предисл. А. Кистяковский. – М. : ДЭМ, 1989. – 384 с.
9. Кож – Кожелянко, В. Дефіляда в Москві / Роман, новели / В. Кожелянко. – Л. : «Кальварія», 2001. – 196 с.
10. Плат – Платонов, А. Чевенгур / А. Платонов. – М. : Советская Россия, 1989. – 381 с.
11. Burg – Burgess, A. Clockwork Orange / A. Burgess. – L. : Penguin Books, 2000. – 152 p.
12. Gold – Golding, W. The Lord of the Flies / W. Golding. – N. Y. : Odyssey. Press, 1963. – 498 p.
13. Lond – London, J. The Iron Heel / J. London. – Chicago : Library of Congress, 1930.– 98 p.
14. Orw – Orwell, G. 1984 / G. Orwell. – N Y. : New American Library, 1949. – 177 p.

Институт международных отношений
Киевского национального университета
им. Т. Шевченко

Поступила в редакцию 14.05.2016